

ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

ВТОРАЯ ПОЮЩАЯ

**“Мессершмитт”
от маршала Покрышкина**

До сих пор вокруг фильма “В бой идут одни “старики” ходит множество слухов. Говорят, например, что денег на ленту выделили крайне мало. Якобы в картине снимался единственный настоящий самолет, на одном борту которого нарисовали звезды и ноты, а на другом — дракона со свастикой. Мол, остальные машины были лишь фанерными макетами.

И хотя действительно бюджет картины нельзя назвать большим, но самолеты все-таки были. Ради этого Быков специально ездил в Москву и добился встречи с маршалом авиации, легендарным Александром Покрышкиным. Выслушав просьбу режиссера, Покрышкин обещал подумать и попросил оставить ему на пару дней сценарий. Однако так много времени ему не понадобилось — сценарий он прочел на одном дыхании в тот же вечер. Его очень растрогали романтизм и правдивость будущего фильма, а в главном герое — командире эскадрильи Титаренко — он увидел самого себя. На следующий же день Покрышкин распорядился передать на баланс киностудии пять самолетов из тех, что уже исчерпали свой ресурс, — четыре истребителя “ЯК-18” и чехословацкий “Z-326”, внешне очень похожий на “Мессершмитт-109”. Машины в срочном порядке доставили на киевский аэродром “Чайка”, где их перекрасили и придали им фронтовой вид.

Авиакатастрофа с шишкой

Первый съемочный день посвятили воздушным боям “Яков” и “Мессеров”. По старой киношной традиции, после того как были отсняты первые кадры нового фильма, вдребезги разбили большую тарелку. Каждому члену съемочной группы досталось по осколку. После, когда лента была уже сдана, мы все собрались в ресторане и сложили разбитую на счастье тарелку.

Для удобства воздушных съемок я придумал особое устройство, которое крепилось между первой и второй кабинами и позволяло брать кадр крупным планом прямо во время полета. Быков мое изобретение одобрил и тут же решил первым подняться в воздух, чтобы испытать его в деле. Пилот выписывал в небе “бочки” и “мертвые петли”, а Леонид Федорович включал камеру, давил на гашетку и кричал в объектив: “Серега, прикрой! Атакуй!” После каждого нескольких дублей самолет садился, я менял кассету с пленкой, и машина снова поднималась в небо. В конце съемочного дня Быков буквально вывалился из самолета и плюхнулся на зеленую травку аэродрома. “Ну, как дела?” — спросил я, подбежав к нему, и услышал в ответ: “Проявим пленку — увидим”.

Быков не любил, когда его дублировали, и все трюки старался делать сам. За время съемок он вполне прилично освоил управление самолетами. В воздух он их, конечно, не поднимал, но самостоятельно запускал двигатель и рулил по аэродрому. Однажды он не сумел рассчитать курс, и правое колесо попало в яму от пиротехнического взрыва. Самолет клюнул носом, полетели лопасти пропеллера, заднее колесо отломилось вместе со стойкой. Быков набил на лбу здоровенную шишку и здорово расстроился. Еще бы — ведь это был тот самый “Як” с нарисованными на борту нотами и скрипичным ключом.

Везти самолет для ремонта в Киев выходило слишком долго — терялась уйма драгоценного времени. Решили восстанавливать “железную птицу” на месте, своими силами. Благо предусмотрительный механик захватил из Киева несколько запасных лопастей, которые тут же установили на поврежденную машину. А вот что было делать с задним шасси? Без сварки не обойтись. Я положил изувеченную деталь в багажник своего авто и поехал в Чернигов на станцию юных техников. Там у меня были друзья. На станции никого не оказалось. Пришлось “вылавливать” их по домам. Узнав, что мы снимаем кино о фронтовых летчиках, ребята с радостью согласились нам помочь. Стойку заварили, и на следующее утро самолет был снова готов к полетам.

Рыбалка вместо полетов

Через несколько дней из музея “Монино” привезли в разобранном виде настоящий фронтовой “кукурузник”. На нем должны были летать Оля Матешко и Женечка Симонова. Прибыл и летчик-фронтовик, которому предстояло опробовать “летающую этажерку”. После того как этот эпизод был успешно отснят, наше пребывание на аэродроме закончилось, и вся группа отправилась в Чернигов, где неподалеку от города нам предстояло поработать над основными, наземными, сценами фильма.

Когда мы прибыли в Чернигов, нас разместили в лучшей тамошней гостинице. Осветительная и съемочная техника приехала вместе с нами и была готова к работе. Мы ждали только самолетов. Их должны были привезти отдельно на грузовиках. Прошло несколько дней, а машин все не было. Мы начали волноваться, принялись названивать в Киев, слать срочные телеграммы, но все тщетно. Среди актеров полolz слухок, что картину закрывают. Тогда Быков в срочном порядке собрал нас на импровизированный совет. В итоге решили срочно менять директора картины. Вскоре из Киева приехал новый директор Николай Золочевский. Дело сразу заспорилось, самолеты наконец прибыли, и съемки продолжились.

Место для дислокации “второй поющей” Леонид Федорович подобрал вместе со мной и художником-постановщиком Григорием Прокопцом. Нам повезло, и мы довольно быстро нашли подходящую полянку. Рядом — лес и берег Десны, что было тем более важно, так как Быков обожал рыбалку. При первой же возможности он с огромным удовольствием удил рыбу.

**Капитан
Титаренко
мечтал,
чтобы**

после войны

у могил

павших

героев

сыграл

большой

оркестр из

музыкантов во

фраках.

У могилы

Леонида

Быкова пели

“Смуглянку”. Он

так хотел. Он

чувствовал, что

судьба не подарит

ему долгих лет.

О некоторых эпизодах

трагической и счастливой

судьбы Леонида Быкова

вспоминает его друг —

оператор Виталь

Кондратьев.

БУДЕМ ЖИТЬ!

Двое Смуглянок

Спустя некоторое время случилось непредвиденное. Буквально с середины картины ушел Анатолий Матешко, снимавшийся в роли Смуглянки. Его откровенно переманили, предложив главную роль в другой картине. Такой поворот событий стал для всех полной неожиданностью.

Помню, тем утром я встретил Быкова в буфете. Он стоял расстроенный и мял в руках какую-то бумажку. В ответ на мой удивленный взгляд он протянул мне телеграмму с киностудии: “Срочно отправьте в Киев Матешко”. Что тут поделаешь? Поехали на съемочную площадку, а тут как раз ассистент режиссера привез из Киева “желторотиков” — молодых ребят-студентов театрального института, только что окончивших первый курс. Их представили Быкову. Он осмотрел начинающих актеров профессиональным взглядом, высккивая нового Смуглянку, и остановился на девятнадцатилетнем пареньке, Сереже Подгорном.

Кстати, Быков в “Стариках” открыл не только многих молодых актеров, но и возродил из забвения знаменитую песню о смуглянке-молдаванке. Она была написана в 1943 году композитором Анатолием Новиковым и была впервые исполнена по радио известным оперным певцом. Однако приняли ее тогда почему-то холодно, и будущий шедевр надолго лег “на полку”.

Сдача фильма состоялась буквально перед Новым годом — 27 декабря 1973 года. Когда в зале зажгли свет, все заметили, что Покрышкин вытирает слезы. Картину можно было смело назвать блокбастером. За пять месяцев ее посмотрели более 54 миллионов зрителей.

ТРИ ИНФАРКТА ЛЕОНИДА БЫКОВА

Гнев и милость министра обороны

Летом 1976 года Быков запустил в производство новую ленту о войне — “Аты-баты, шли солдаты”. Главная роль была написана специально для Леонида Федоровича. Подготовка к съемкам шла до поздней осени. И вот в конце ноября съемочная группа выехала в экспедицию в Загорск. В распоряжение Быкова были выделены несколько армейских взводов и боевая техника: танки, артиллерия, автомобили.

За месяц было отснято более полутора километров цветной киноплёнки. И так уж вышло, что за все это время готовый материал не проявляли. Коробки с пленкой отправили на проявку, лишь когда все масштабные батальные сцены были уже позади. Через несколько дней пришла страшная весть: весь отснятый материал — абсолютный

Леонид Быков написал завещание за несколько лет до гибели

брак. Оказывается, когда на студии готовили камеру для экспедиции, то забыли поменять рамку с обычного кадра на широкоэкранный. Таким образом вся работа пошла насмарку.

Ситуация сложилась просто ужасная. План студии горит, а переснять материал уже невозможно. Леонид Федорович срочно отправился в Москву на прием к министру обороны маршалу Гречко. Тому уже доложили о ЧП на съемках нового фильма, и он прекрасно знал, зачем к нему пожаловал режиссер. Не успел Быков перешагнуть порог его кабинета, как Гречко заорал: “А-а, явился! Что, министерство обороны для вас — лакей?! Бюро добрых услуг?! Да вы все, б...” — и принялся носить семизатяжным матом всю съемочную группу. Во время этой “вступительной речи” маршала Быков стоял по стойке “смирно”, то бледнея, то краснея. Наконец министр в буквальном смысле

доорался до хрипоты, закашлялся, сел за свой установленный телефонами стол и закурил сигарету. Быков воспользовался паузой, тихо и очень вежливо извинился и попросил, чтобы Гречко его выслушал.

После долгого разговора “по душам” министр вызвал своего помощника и поручил ему разобраться “с этими горе-киношниками”. Мне об этой “задушевной беседе” Леонид Федорович рассказывал спустя полгода. А тогда, по возвращении в Загорск, у Быкова случился первый инфаркт. В больнице, куда его отвезла “скорая”, он написал письмо-завещание, в котором просил друзей в случае чего позаботиться о его близких. Нахлынувшая на режиссера депрессия усугублялась еще и опасением, что из-за всего случившегося его могут снять с картины.

Вскоре к Быкову в больницу приехала из Киева редактор Эмилия Косинчук. Она рассказала ему

все новости, заверив, что никто его с фильма снимать не будет. Они проговорили несколько часов кряду, и Быков отдал ей на хранение конверт с тем самым завещанием. Этот конверт пролежал у нее в столе более двух лет.

Между тем Леонид Федорович перевезли в Киев, где он еще месяц пролежал в реанимационном отделении. Все это время съемочная группа строила декорации, готовилась продолжать работы над злосчастной лентой. В первый же день после выхода из больницы Быков нескладно всех удивил, назначив на завтра съемку эпизода “Цыганочка с выходом”. И это после инфаркта! Надо сказать, что он вообще никогда не жаловался на здоровье и никому не говорил, что у него больное сердце.

Ограбление по-украински

Едва оправившийся после тяжелой болезни Быков не предполагал, что в скором будущем ему уготован новый, пожалуй, самый сильный в его жизни удар. Эта история связана с сыном Леонида Федоровича, Олегом. Я познакомился с ним при съемках ленты “В бой идут одни “старики”. Он тогда как раз перешел в десятый класс. Вел себя очень скромно, к камере не лез, сидел тихонько в сторонке и наблюдал за тем, что творилось на площадке. Но спустя несколько лет Олесь свел дружбу с сомнительными ребятами. Частенько всей компанией они баловались выпивкой.

Однажды приятели предложили ему покататься всем вместе на отцовской “Волге”. Олесь не смог отказать. Он пришел к отцу и попросил у него ключи от гаража и машины, сказав, что хочет помыть ее, а заодно и прокатиться, дабы восстановить водительские навыки. Леонид Федорович без задней мысли отдал ему ключи и лишь крикнул сыну вдогонку, чтобы тот не задерживался допоздна. Накатавшись вволю, ребята остановились у ювелирного магазина. Дружки оставили Быкова-младшего в машине, а сами пошли “на дело”.

Когда Леонид Федорович узнал, что его сын арестован за соучастие в ограблении, с ним случился второй инфаркт. Однако лечь в больницу он отказался. Как раз в тот момент Быкову присудили госпремию. Но он не приехал на вручение, сославшись на то, что недостойн столь высокой награды. Об этом доложили первому секретарю ЦК Компартии Украины Щербицкому, который просто обожал Быкова. Тот распорядился доставить премию лауреату на дом. Так и поступили. Быков принял премию прямо в постели, а на все его возмещение ответ был один: “Таково пожелание товарища Щербицкого, который вас очень любит и ценит”.

Тем временем состоялся суд. Другам-“медвежникам” дали по пятнадцать лет, а Олеся поместили на год в психиатрическую лечебницу.

Быков тяжело перенес эти события. Когда он наконец встал на ноги и пришел на киностудию, то выглядел постаревшим на добрый десяток лет. Леонид Федорович стал замкнутым, неразговорчивым и мало чем напоминал прежнего жизнерадостного весельчака, вокруг которого всегда бурлила жизнь. Через несколько дней мы узнали, что он подал заявление об уходе. Директор киностудии отказался его принять, но Быков отдал бумагу секретарю под роспись. О ситуации снова доложили Щербицкому. Он пожелал лично встретиться с Быковым. Никто, кроме них двоих, не знал, о чем они говорили, но в результате Быков заявление забрал.

Последний аккорд

Тем временем в Комитете кинематографии СССР специально для Быкова был подобран сценарий — легкая философская комедия “Пришел-ле”. В ней Леониду Федоровичу предстояло сыграть сразу две роли — совершенно непохожий друг на друга двойников из параллельных миров. Сценарий был передан на киностудию Довженко. Быков снова увлекся работой. Целыми днями находился на студии, занимался декорациями, готовился к кинопробам. 10 апреля 1979 года кинопробы были приняты без замечаний, и Леонид Быкова утвердили на главные роли — механизатора Тишкина и пришельца из космоса Глоуза.

На следующий день он собрался отправиться на дачу в Страховесье. Дочь Леонида Федоровича, Марина, настаивала, чтобы он взял ее с собой, и даже сама вошла в машину. Видя, что увещания не помогают, Быков силком вытолкнул ее на улицу и уехал на дачу один.

Но обратно он не вернулся. По дороге с ним случился третий инфаркт. Быков потерял сознание и уже не мог выключить передачу или зажигания. Он держал руль мертвой хваткой. Машина выскочила на встречную полосу, по которой как раз ехал груженный тавровым железом “ГАЗ”. Шофер грузовика решил, что водитель “Волги” уснул за рулем, но ни звуковые сигналы, ни мигание фар уже не могли помочь.

Потом долго рассуждали о странной смерти Леонида Быкова, о тайне, окутавшей его уход из жизни. Говорили о самоубийстве или о подстроенном под несчастный случай убийстве. Я как человек, говоривший с ним буквально накануне вечером, могу четко утверждать: причиной аварии была остановка сердца. Большого, горячего сердца, которое просто не выдержало свалившихся на него в последние годы бед.

Быков не хотел пышных похорон. С ним прощались как с солдатом, без ненужных речей и утомительных процессий. Над беспорядочной рыдающей толпой раздавались аккорды “Смуглянки”. А перед гробом несли большую фотографию, на которой был изображен самолет с нотами и скрипичным ключом. Из открытого люка кабины устало смотрел на живых командир “второй поющей” капитан Титаренко.

**Виталь КОНДРАТЬЕВ (“МК в Украине”),
Дмитрий ГУСЕВ.**